

Ким Виктория Валентиновна

ЭКСКЛЮЗИВИЗМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ФАНАТИЗМА

Статья посвящена анализу социально-психологического феномена эксклюзивизма (избранности) как характеристики фанатизма; рассматриваются виды эксклюзивизма, философский и теологический подходы к его анализу, изучаются причины и следствия феномена фанатичного эксклюзивизма, определяются основные черты образа фанатика-неофита как избранного человека. Автором делается вывод о том, что чувство избранности и эксклюзивизма дает основания фанатикам для активной социальной деятельности и переустройства мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 100-103. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 172.3

Философские науки

Статья посвящена анализу социально-психологического феномена эксклюзивизма (избранности) как характеристики фанатизма; рассматриваются виды эксклюзивизма, философский и теологический подходы к его анализу, изучаются причины и следствия феномена фанатичного эксклюзивизма, определяются основные черты образа фанатика-неофита как избранного человека. Автором делается вывод о том, что чувство избранности и эксклюзивизма дает основания фанатикам для активной социальной деятельности и переустройства мира.

Ключевые слова и фразы: фанатизм; характеристики фанатизма; избранность; эксклюзивизм; фанатичный эксклюзивизм; неофит.

Ким Виктория Валентиновна, к. филос. н., доцент

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

vkv-viktory@mail.ru

ЭКСКЛЮЗИВИЗМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ФАНАТИЗМА[©]

Образ фанатика, формирующегося в обществе и реализующего свои взгляды, подразумевает множество социальных и психологических характеристик. Кроме фанатичной веры, сверхценной идеи, нетерпимости необходимо рассмотреть и социально-психологический комплекс чувств и представлений, способствующий формированию в сознании человека фанатизма, который можно назвать избранностью или фанатичным эксклюзивизмом.

Эксклюзивизм представляет собой точку зрения, основанную на «претензии на оригинальность и избранность, обесценивающую любые другие экзистенциальные ценности» [9, с. 232]. Человек, придерживающийся эксклюзивистской позиции, считает свои убеждения и представления истинными, а все остальные – ложными. Тогда эксклюзивист, по мнению А. Плантинга, «тот, кто продолжает верить в то, во что он верил всегда, несмотря на полное понимание других верований и размышления о них, на разумность их приверженцев, хорошие моральные качества, духовное озарение и т.д., и, следовательно, считает ложными любые верования, религиозные и прочие, которые не совместимы с его собственными» [Там же]. Этот эксклюзивизм имеет под собой рациональную основу, поскольку условием его существования становится знание эксклюзивиста об основах иных учений и представлений. Его также можно рассматривать как некую «призму для понимания других личностей, подчеркивая этим самым для себя их ценность и уникальность», что «вполне приемлемо», полагает Р. К. Омельчук [Там же]. На наш взгляд, рациональность действительно присутствует в эксклюзивизме, но не отменяет действия комплекса эмоций и чувств (о которых речь пойдет ниже), возникающих при его реализации.

Распространенной разновидностью эксклюзивизма является религиозный эксклюзивизм: «только одна религия является полностью или частично истинной, в то время как все остальные содержат множество заблуждений». Г. Бассам выделяет две модификации религиозного эксклюзивизма: строгую и умеренную. Строгий эксклюзивизм утверждает, что «спасение/освобождение и истинная близость к Богу могут быть обреты только в единственной религии» [1, с. 169]. Умеренный взгляд, называемый также инклюзивизм, отрицает эту точку зрения, допуская, что иные религиозные традиции также могут содержать истину. А существующая современная форма эксклюзивизма исходит из того, что «истинные религиозные переживания и спасение можно обрести независимо от религиозной традиции», пишет Г. Бассам, подчеркивая, однако, что данная точка зрения не очень распространена [Там же].

Философский взгляд на религиозный эксклюзивизм подчеркивает его негативную и позитивную стороны. Негативный аспект связан с отвержением плюрализма, идеей, что «все несходные между собой религиозные доктрины и практики можно считать одинаково законными попытками достичь присущих религии целей» [8]. А позитивный аспект состоит в признании, что «в религиозных предметах существует одна-единственная объективная истина и что истина эта познаваема (большинство эксклюзивистов прибавит – *познана*), причем довольно основательно и детально» [Там же] (*Курсив М. Мюррея, М. Рея*). Именно эта точка зрения присуща многим религиям, однако суть религиозного эксклюзивизма заключается не в абсолютизации предложенного пути к спасению и богу, а в том, что «мы можем знать истину о религиозных предметах, притом в довольно существенных ее деталях, а исходя из того, что нам известно, мы способны понять, что многим человеческим религиям не удастся надлежащим образом выразить истину или поведать нам, как мы должны относиться к Богу (или к богам или к космосу) и к другим людям» [Там же]. Таким образом, философско-религиозный подход к эксклюзивизму сосредоточен на раскрытии его позитивного потенциала.

Наряду с религиозным эксклюзивизмом исследователи предлагают различать еще две разновидности: метафизический моральный и национальный. Первый исходит из «онтологической и/или теоретико-познавательной эксклюзивности морали», ее «потусторонней природы», не сводимой к абсолютизации морали [6]. Второй связан с представлением об исключительности собственной страны [4]. И. Валлерстайн подразумевает под эксклюзивизмом «идею собственной национальной исключительности и –особого пути» [11, с. 6].

Фактически, национальный эксклюзивизм представляет собой национализм как точку зрения, еще не ставшую идеологией и руководством к активному насильственному воплощению.

Религиозный и национальный эксклюзивизм в своих умеренных состояниях достаточно распространены в мире. Это убеждения человека или группы, касающиеся личной социальной позиции. Они способствуют их идентификации в периоды социального спокойствия. В условиях же социального или личностного конфликта умеренная позиция может приобрести радикальный, фанатичный характер [5]. В своих крайних проявлениях эксклюзивизм становится характеристикой религиозного, национального, политического фанатизма. Именно в этом случае есть возможность и необходимость говорить об эксклюзивизме как причине и признаке фанатизма.

Фанатичный эксклюзивизм – это социально-психологический комплекс чувств и представлений фанатика, который будет рассмотрен ниже. Наиболее часто фанатиками называют истинноверующих (термин Э. Хоффера [13]) и сектантов. Все фанатики исходят в своих убеждениях и поведении из эксклюзивного права на истину, уверенности в том, что остальные представления ложны. Их позиция ими абсолютизируется и не допускает никакой критики и сомнений. В социально-психологический комплекс черт фанатичного эксклюзивиста входят: гордость, иногда трансформирующаяся в гордыню; самообольщение; ложный мистицизм; «духовное инквизиторство»; мессианство, равнодушие и следование форме. В православии фанатичный эксклюзивизм сравнивают с «ложной духовностью» или «прелестью», которая утверждает собственную исключительность при отсутствии христианского смирения, граничащую с самообольщением или даже самообожением (современные православные авторы относят к ним «любое отступление от Православия»: секты и ереси, которые способствуют формированию «неправильного духовного состояния души человека» [10, с. 46]). Гордость или гордостное самосознание присуще некоторым новообращенным (неофитам), которые неадекватно оценивают собственные знания и усилия и возвышают себя над другими, в итоге у них может сформироваться состояние самообожения.

Религиозное иступление (которое просветители называли энтузиазмом) тесно связано у Дж. Локка и Д. Юма с состоянием самообольщения. В «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локк писал о некоторых религиозных энтузиастах-фанатиках, которые «были чрезвычайно склонны приписывать себе откровение и убеждать себя в том, что они находятся под особенным водительством неба в своих действиях и мнениях, тем более в тех, которые они не могут объяснить при помощи обычных методов познания и принципов разума» [7, с. 179]. У человека откровение не требует особой работы разума по поиску доказательств, а возникает в особых случаях сочетания набожности, меланхолии и сомнения. В состоянии транса, иступления с человеком может произойти то, что он квалифицирует как чудо, считая себя посвященным, приближенным к божеству. Тем самым озарение обладает божественным авторитетом, указывал английский философ, и в силу этого воспринимается как «указание» к деятельности. В этом процессе Локк видит тщеславие, лень и невежество, дающие начало религиозному иступлению. Чувства, испытываемые теми, кто получил откровение или убедил себя в том, что это откровение получено, приобретает дополнительный импульс – неистовую веру, не допускающую сомнений. Как отмечал Д. Юм в трактате «О суеверии и иступлении», «фанатик сам себя освящает и придает своей особе священный характер, превосходящий всякую другую святость...» [15, с. 608]. В итоге вождь – лидер религиозной или политической группы – ощущает себя особенным человеком, который «призван» править, руководить, «указать путь» и т.д. Однако эта же характеристика присуща и другим фанатикам – рядовым членам групп (в первую очередь – неофитам), она придает им чувство уверенности, еще больше укрепляет в вере и в своем избрании. По сравнению с другими людьми они лишены сомнений, догматизация откровения делает их бескомпромиссными служителями веры и/или идеи.

Нежелание критически осмыслить полученное откровение сочетается у фанатиков с желанием возвысить себя с помощью самообмана, который имеет здесь прикладное значение. В случае заниженной самооценки человек «примеряет» новый образ избранного, уверенного в истинности пути, а потому требующий от носителя образа активных подтверждений истин, даруемых откровением. При завышенной самооценке у личности самообольщение может получить импульс к гипертрофии. Самообольщение может стать самообожением, когда человек считает себя богом, наместником или посланником бога. Этот прием часто используется лидерами нетрадиционных деструктивных культов в корыстных целях (он упрощает манипулирование неофитами). Так, Секо Асахара, основатель организации Аум Синрикэ провозгласил себя Иисусом Христом, точнее его воплощением. В основной книге вероучения Аум «Провозглашая себя Христом» раскрываются доказательства воплощения: «он может входить в высшее состояние медитации – самади, при котором останавливается сердечная и дыхательная деятельность» и сравнивает это с пребыванием Ионы в чреве кита; он совершает чудеса: превращает воду в «воду, излучающую свет», исцеляет верующих; совершает крещение Духом святым и огнем при обрядах инициации – пробуждения Кундалини (крещение огнем) и Поа (крещение Святым духом) [14, с. 234-236]. Сан Мен Мун – основатель Церкви Объединения – считал себя избранным спасителем после полученного откровения в результате религиозного экстаза и собирался строить Царство Божие на земле. Для воплощения Небесного Царства Мун активно использовал не только культовую практику, но и разные способы достижения финансового благополучия: от сбора средств в специально созданный «Фонд искупления» до фандрейзинга, системы сбора пожертвований [Там же, с. 225-229]. Приведенные примеры являются не исключениями, а скорее практикой в деятельности новых деструктивных культов.

Лидеры культов, с одной стороны, убеждают своих последователей в том, что им одним открылась истина, тем самым они входят в узкий круг избранных, которые могут достичь спасения. С другой стороны, последователям внушается, что мир за пределами группы «погряз в грехе», управляется Сатаной, что те, кто

не знаком с истиной и божьим избранником, не спасется. В итоге у человека формируется противоречивое устойчивое чувство страха и тревоги, не допускающее возможности покинуть группу и одновременно способствующее еще большему укреплению эксклюзивизма. Осознание собственной избранности дает человеку чувство успокоенности, ведь его поиск истины завершен, это чувство перманентно подтверждается ежедневными трудом и молитвой, предусмотренными в культе [12; 14].

Рассмотрим иные характеристики фанатичного эксклюзивизма. Состояние ложного мистицизма связано с тем, что человек, считающий себя избранным, трактует все происходящие события с ним и с другими как результат божественного руководства. Каждое событие, случающееся с избранным, по его мнению, несет символическую нагрузку, которая требует «прочтения» и еще больше подтверждает эксклюзивизм. При недостатке опыта этой расшифровкой занимаются те, кто достиг более высоких ступеней в постижении истины. Возникает т.н. «духовное инквизиторство» [3, с. 107] – стремление эксклюзивистов-фанатиков просветить всех встречающихся на пути. Они руководствуются разными мотивами: это и прозелитизм, свойственный всем религиозным организациям, принимающий агрессивную насильственную форму, связанную с потребностью приобщить всех к открытой истине; и искреннее желание донести весть о спасении всему человечеству, просветить заблуждающихся. По мнению А. Владимирова, духовное инквизиторство сопровождается нередко душевным равнодушием, черствостью, такие верующие ставят цели просвещения выше, чем все остальные жизненные ценности [Там же, с. 108].

Фанатик у Э. Хоффера назван истинноверующим, одной из важнейших характеристик фанатичной личности он считает неудовлетворенность, которая может иметь отношение к собственной личности, к окружению, к социальным условиям. «Фанатик всегда чувствует себя неполноценным человеком и живет в состоянии неуверенности» [13, с. 102]. Уверенность истинноверующий получает только с идеей, религиозной или политической, которая придает смысл его существованию. Ради этой идеи, доказательства своей ценности и выбранного пути он готов пожертвовать жизнью, к тому же фанатик «склонен видеть в себе одного из избранных...» [Там же, с. 117]. В связи с этим Хоффер предлагает рассматривать эксклюзивизм как попытку компенсации неудовлетворенности у фанатика, которая заставляет его переделывать мир. Страстная социальная активность придает эксклюзивизму направление: фанатик практически всегда находит дело, ради которого стоит отдать жизнь. Можно сказать, что он ощущает или считает себя мессией.

Мессианизм как форма религиозного фанатизма рассматривался И. А. Беляевым. Фанатик-мессия «приписывает себе призвание к тому, чтобы спасти мир и приобщать людей к благу, кажущемуся ему высшим, и стремится делать это вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств» [2, с. 70]. Такой человек основывает секты, формулирует ценности, разрабатывает пути спасения человечества. Глобальность задач, которые он ставит перед собой, не смущает избранного мессию, а только подтверждает величие его самого и открытой им истины.

Таким образом, фанатичный эксклюзивизм связан с социально-психологическим комплексом чувств и представлений избранности, превосходства, дающих фанатику как истинноверующему основания для активного передела мира. Такой подход встречается в революционном и реформаторском преобразовании мира, где основными историческими субъектами являются фанатики. Наиболее яркими представителями фанатичного эксклюзивизма являются неопиты.

Список литературы

1. **Бассам Г.** Религия «Матрицы» и проблемы плюрализма // «Матрица» как философия: эссе / отв. ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 154-173.
2. **Беляев И. А.** Религиозный фанатизм как иллюзорная компенсация недостаточности духовно-душевных составляющих целостного мироотношения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2011. № 4 (28). С. 68-71.
3. **Владимиров А., свящ.** О духовных соблазнах новообращенных христиан // О прелести и фанатизме в духовной жизни / сост. А. Баранов. М.: Образ, 2010. С. 99-110.
4. **Дубовцев В. А.** Идейный раскол в современной России и проблема консолидирующей национальной идеи // Национальная идентичность России и демографический кризис: материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.) / под ред. С. С. Сулакшина, В. Э. Багдасаряна и др. М.: Научный эксперт, 2007. С. 646-657.
5. **Ким В. В.** Фанатизм как фактор преступления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). Ч. 2. С. 92-97.
6. **Левин С. М.** Мораль, метафизика и реальность [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 144-153. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=791&Itemid=52 (дата обращения: 12.06.2014).
7. **Локк Дж.** Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. С. 3-201.
8. **Мюррей М., Рей М.** Введение в философию религии [Электронный ресурс]. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. 432 с. URL: <http://lib.rus.ec/b/280259/read> (дата обращения: 12.06.2014).
9. **Омельчук Р. К.** Онтология веры. М.: РОССПЭН, 2011. 280 с.
10. **Рейдман Авраам, игум.** О прелести // О прелести и фанатизме в духовной жизни / сост. А. Баранов. М.: Образ, 2010. С. 13-60.
11. **Розов Н. С.** Философия и теория истории. М.: Логос, 2002. Кн. 1: Прологомены. 656 с.
12. **Хассен С.** Освобождение от психологического насилия. Деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 400 с.
13. **Хоффер Э.** Истинноверующий. Мысли о природе массовых явлений. Минск: Изд-во ЕГУ, 2001. 200 с.
14. **Шапарь В. Б.** Психология религиозных сект. Минск: Харвест, 2004. 384 с.
15. **Юм Д.** О суеверии и иступлении // Юм Д. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 605-610.

EXCLUSIVISM AS CHARACTERISTIC OF FANATICISM

Kim Viktoriya Valentinovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy
vkv-victory@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the socio-psychological phenomenon of exclusivism (selectness) as a characteristic of fanaticism. The types of exclusivism, philosophical and theological approaches to its analysis are considered, the causes and effects of fanatic exclusivism phenomenon are studied, the main features of the image of the fanatic-neophyte as a selected person are identified. The author concludes that the feeling of selectness and exclusivism gives grounds to fanatics for active social activities and the reconstruction of the world.

Key words and phrases: fanaticism; characteristics of fanaticism; selectness; exclusivism; fanatic exclusivism; neophyte.

УДК 78.04

Искусствоведение

В данной статье рассматривается вопрос взаимодействия музыки и живописи в эпоху барокко через программность. Проявление живописного начала в музыке барокко связано, прежде всего, с расцветом программности. В сочинении И. С. Баха «Каприччио на отъезд возлюбленного брата» внемузыкальный источник – программа – реализуется на разных уровнях музыкального произведения (название, заголовки и жанровая характеристика каждой части, музыкальная лексика). Автором предпринята попытка показать, как взаимодействие различных видов искусства помогает в понимании смысла музыкального произведения прошлого.

Ключевые слова и фразы: барокко; синтез музыки и живописи; программность; звукоизобразительность; музыкальная лексика.

Кириенко Ирина Вячеславовна

Дальневосточная государственная академия искусств
irius888@mail.ru

**И. С. БАХ. «КАПРИЧЧИО НА ОТЪЕЗД ВОЗЛЮБЛЕННОГО БРАТА»:
ПРОГРАММНОЕ СОЧИНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕЗА ИСКУССТВ[©]**

Идея синтеза искусств была чрезвычайно актуальна в эпоху барокко. Деятели барокко придерживались мысли, что искусство нельзя разграничивать, соответственно, часто можно было встретить такие утверждения, что поэзия есть говорящая живопись, живопись – немая поэзия. Господствующей тенденцией стало не размежевание искусств, а их соединение. Границы между искусствами были подвижны. Х. Майстер замечает: «Мышление в эпоху барокко отнюдь не было одномерным, напротив, оно отличалось многоплановостью, соответствовавшей понятию *analogia entis*, которое означало, что все сущее связано большей или меньшей общностью и, таким образом, находится между собой в определенном соотношении» [5, с. 35]. Сходной позиции придерживается исследователь С. Бакуто, которая рассматривает принцип аналогии в качестве универсального инструмента мышления в эпоху барокко (см. об этом подробнее: [2]).

Актуальными были любые методы воздействия и необычные взаимодействия между различными видами искусства. Исследователь М. Зайцева отмечает: «В эстетике и художественной практике Нового времени велся поиск общих для всех видов искусств принципов, позволяющих выявить близость элементов различных художественных языков на основе схожести ощущений при их восприятии, поиск этот являлся важной составляющей концепций нового синтеза искусств» [4, с. 35].

Проявление живописного начала в музыке связано, прежде всего, с расцветом программности в эпоху барокко. Объектом изображения у композиторов выступала сама реальная жизнь: аффекты (И. Кунау «Первая библейская соната», ч. 1, «Дерзость Голиафа»), природные явления (А. Вивальди «Времена года»), человеческие характеры (Ф. Куперен «Резвая», «Трудолюбивая»).

Ю. Хохлов отмечает, что категория программности принадлежит не только музыкальному искусству, но и встречается в живописи. Исследователь проводит параллели явления программности в музыке и живописи, и пишет о том, что «...надпись на картине, скульптуре во многих случаях составляет нечто большее, чем простое название, являясь своеобразной **словесной программой**» (выделено автором – И. К.) [10, с. 21].

М. Арановский выделяет *программность* как особый *метод мышления*, который связан с задачами воплощения явлений внешнего мира и конкретных идей. Один из признаков этого метода, по мнению автора, – **изобразительность** (выделено автором – И. К.). Поэтому музыка, по выражению исследователя: «...обладает свойством рисовать нашему мысленному взору картины необычайной яркости» [1, с. 58].